

Независимая газета. - 1998. - 30 янв. - с. 10

ЭПИТАФИЯ ГЕРОЮ

Любое восхищение каким-либо славным именем кажется сейчас ложью

Игорь Золотусский

В 1908 ГОДУ в статье «Солнце над Россией» Александр Блок писал: «Часто приходит в голову: все ничего, все еще просто и нестрашно сравнительно, пока жив Лев-Николаевич Толстой... Пока Толстой жив, идет по борозде, за плугом, за своей белой лошадкой, — еще росисто утро, свежо, нестрашно, упыри дремлют, и, слава Богу, Толстой идет — ведь это солнце идет».

У каждого народа есть свои герои, и в разные времена это разные герои. Есть герои воинской славы, и есть герои духа, есть герои официальные, культ которых пестуется государством (иногда их слава совпадает со славой народной), и есть те, кто приобретает имя и авторитет без почестей и наград. В Советском Союзе 30-х годов чествовались летчики и полярники, потом герои войны, потом космонавты и творцы космонавтики, позже — вопреки официальному непризнанию — диссиденты, Солженицын, Сахаров. В первые годы после объявления свободы еще устойчиво держалась слава писателей, запрещенных при прежнем режиме, и просто честных людей, не покорившихся всеобщему принуждению ко лжи.

Потом наступил обвал — настала пора развенчаний. Развенчивались не только имена из советского списка святых, но и репутации тех, кто не имел к этому статусу никакого отношения. Свобода, из-за которой рисковали герои эмиграции и подполья, не принесла счастья, и тогда стали низвергать с пьедестала героев свободы. Назовите сегодня любое славное имя — вас засмеют вместе с ним, ибо пришло безгройное, бесславное и безавторитетное время. Я не знаю ни одной фигуры, которая сейчас считалась бы безусловной и при упоминании которой люди внутренне подтягивались бы и судили себя за дурные намерения или поступки.

Еще недавно такие личности были. Я уж не говорю о Солженицыне, но присутствие в нашей жизни в 60-е годы, скажем, Твардовского мешало врать, а для тех, кто все-таки врал, со-

здавало некоторые неудобства. Мы знали, что в тюрьму заключен Анатолий Марченко, а в ссылке Сахаров и что они лучше и смелее нас, но это знание не унижало, а наоборот, возвышало, ибо человек, сознавая свое недостоинство, делается достойнее. Таково, кстати сказать, влияние всякого высокого примера, всякой высокой жизни, которые способны поднимать как отдельного человека, так и эпоху в целом, и потому сами эпохи часто называют именами тех, кто придал им величие и заставил попасть на скрижали славы.

Нет величия без имени, и нет подвига без героя.

В России, стране крайностей, потребность в герое была особенно велика, и, может быть, в силу русских условий даже в мирное время у нас было много отважных людей, так как устоять в тех обстоятельствах, которые предлагала жизнь, сохранить себя и без обмана заниматься своим делом требовало перенапряжения воли и считалось доблестью. Этот массовый героизм, эту повальную *обремененность на подвиги* пытались преодолеть люди, которые открыто бросили вызов власти.

Солженицын довершает череду героев, которых дала русская оппозиция, один из самых мощных генераторов героического в на-

шей стране, впрочем, вместе с чертами высокими, прекрасными, порождавшая и высокомерие и гордыню. О поклонении героическому, о лелеянии героического и самоуслаждении героическим писали в 1909 году авторы «Вех», а до них, назвав эти максимы «гордостью чистотой своей», Гоголь.

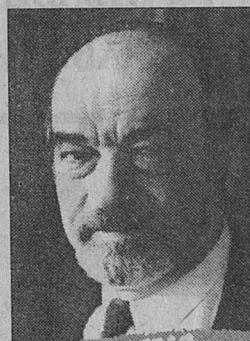
Вполне возможно, что эта гордыня и породила сегодняшний нигилизм, тотальное непризнание каких-либо авторитетов и сокрушительное сомнение в том, что не подлежит сомнению. Любый восторг, любое восхищение каким-либо славным именем кажется сейчас ложью, натяжкой и вызывают изжогу и отторжение, а критика высокого, великого, их пародирование и уничтожение стали знаменем конца века. Еще несколько лет назад я прочитал в «Огоньке», что если Солженицын вернется в Россию, то погонят его встречать, как сгоняли когда-то народ для встречи Горького. Советская мифология создала героев труда (ни в одной стране мира их нет), подняла на высоту героев предательства и мастеров мокрого дела, она поставила на ходули много ничтожеств — но при чем тут Солженицын?

Мы, как всегда, от одной лжи бросаемся к другой: советская ложь о героях и ненависть к ней заставляют кидаться ко лжи об истинно почитаемых именах, которые со сладострастием оплевывают в нашей печати.

Конечно, это отчаяние и это историческое похмелье можно понять, но сможет ли Россия прожить без великих людей и как изменится понятие величия, если нет великой борьбы и великих побед?

Может, сбудутся чаяния Толстого, и великими будут почитаться не одни воинские подвиги и акты сопротивления, не тот героизм, что бросается в глаза, оказывается у всех на виду, который, кажется, не способен прожить без признания, без торжества, без ощущения своего превосходства, а те тихие подвиги, которые каждодневно совершает человек, преодолевая себя, исполняя свои обязанности и делая жизнь чуть-чуть лучше, чем она была.

Эпохи потрясений не кончились, стало быть, мы еще узнаем имена героев прежней окраски, но уже что-то сдвигается в России к тому, чтобы на пьедестал уважения поднялось и обыденное, чтоб доброта, ум, совесть — без тернового венца — предстали перед глазами всех, как то, перед чем мы склоним головы.

Трибуна писателя

